

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СТЕБНИЦКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ КАМЧАТКИ

Настоящим изданием продолжается публикация научного наследия исследователей языков и этнографии народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.¹ С.Н. Стебницкий принадлежит к поколению североведов, успевших, несмотря на короткий срок жизни, отпущенный ему судьбой, заявить о своем исследовательском таланте и преданности избранному делу. Его творческая деятельность и сама жизнь были оборваны войной.

Публикуемая работа хранилась в архиве МАЭ (Кунсткамера) РАН.² Сравнительно недавно свет увидели еще три рукописи С.Н. Стебницкого из того же архива: «Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература», «Апукинский диа-

лект корякского языка» и «Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках». Предваренные обстоятельной вводной статьей о жизненном пути, научной и писательской деятельности С.Н. Стебницкого (авторы А. Жукова, А. Макеев, Ч. Таксами), статьи эти вышли отдельным изданием по инициативе МАЭ РАН и Администрации Корякского автономного округа.³

Названные рукописи и ряд других работ С.Н. Стебницкого в архиве МАЭ были зарегистрированы в 1948 году. Местонахождение их до МАЭ было различным — Институт языкознания АН СССР, Ленинградский государственный университет, Институт народов Севера (ИНС) им. П.Г. Смидовича. Материалы из ИНСа своей сохранностью обязаны научному сотруднику МАЭ В.В. Антроповой. В блока-

¹ См.: *Иохельсон В. И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация / Пер. с англ. СПб., 1997; *Орлова Е. П.* Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб., 1999.

² Архив МАЭ НИИ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. № 50.

³ *Стебницкий С. Н.* Очерки по языку и фольклору коряков. СПб., 1994. 294 с.

ду, когда Институт уже не функционировал, она на детских санках перевезла архив, которому грозило уничтожение, с набережной реки Мойки на Университетскую набережную — в МАЭ.⁴

Еще один пример интереса Камчатки к работе С. Н. Стебницкого по изучению коренных жителей — развернутая библиография его работ, составленная Г. В. Овчинниковой и опубликованная в 1992 году.⁵ Библиография эта, к сожалению, труднодоступна из-за малого тиража и отдаленности места (Дальний Восток). Поэтому представляется полезным повторить для более широкого круга читателей некоторые сведения из упомянутой вводной статьи к «Очеркам по языку и фольклору коряков». Прежде всего отметим, что «Библиография работ С. Н. Стебницкого» содержит разделы: научные труды, статьи, учебники для северных народностей (27 наименований); литературное творчество (10 наименований); переводы (9 наименований) и редактирование (12 наименований).⁶ Как видно из одного этого перечисления, научная и творческая деятельность С. Н. Стебницкого была достаточно многогранной. До недавнего времени она оставалась малоизвестной специалистам, а в анализе и оценке ее практически сделаны только первые шаги.⁷ Более основательно пока охарактеризован вклад С. Н. Стеб-

ницкого в изучение палеоазиатских языков и фольклористику, а также методика и принципы полевой работы ученого.⁸

Коренной петербуржец, С. Н. Стебницкий⁹ родился 6 апреля 1906 года. Его мать была дочерью генерала от инфантерии Ю.И. Стебницкого. Выходец из семьи Капиц-Стебницких, с которой связаны имена известных кораблестроителей, физиков, географов, С. Н. Стебницкий избрал делом своей жизни североведение.¹⁰

Получив базовое лингвистическое образование (филологический факультет Ленинградского университета и аспирантура), он работает старшим научным сотрудником в Институте народов Севера, а, защитив в 1938 году кандидатскую диссертацию, в 1939 году он получает должность доцента кафедры этнографии ЛГУ (в то время она находилась при филологическом факультете). Именно в этот период оформляется круг научных интересов С. Н. Стебницкого — язык и культура коренных жителей северо-востока Сибири, прежде всего коряков.

Незыблемым правилом ленинградской школы сибире- и североведения того времени, возглавляемой В. Г. Богоразом, была продолжительная стационарная работа исследователя в среде изучаемого народа. Чтобы стать специалистом — изучить язык и самобытную культуру, познать жизнь людей Севера и одновременно принести посильную практиче-

⁴ Архив МАЭ НИИ РАН. Ф. II. Оп. 1, № 286.

⁵ Овчинникова Г.В. Жизнь и судьба С.Н. Стебницкого (методико-библиографический материал). Палана, 1992.

⁶ Жукова А., Макеев А., Таксами Ч. С.Н. Стебницкий. Творческий путь // Стебницкий С.Н. Очерки по языку... С. 4.

⁷ Овчинникова Г.В. Указ. соч.; Жукова А., Макеев А., Таксами Ч. Указ. соч.

⁸ Жукова А., Макеев А., Таксами Ч. Указ. соч. С.4—17.

⁹ Книга Памяти Ленинградского—Санкт-Петербургского университета 1941—1945. СПб., 1995. Вып. I. С.283—284.

¹⁰ Жукова А., Макеев А., Таксами Ч. Указ. соч. С.5.

скую помощь населению, — молодые ученые отправлялись на места учителями, работниками культбаз.

Добился возможности учительствовать на Камчатке и 22-летний С. Н. Стебницкий. Он высадился и ступил на землю коряков в селении Апука в 1927 году. Местом его работы были (ныне не существующие) с. Кичига Карагинского района, Олюторская культбаза, поселения Пенжинского района.¹¹

Крохотные школы в одну классную комнату, ночевки в землянках, занесенных снегом настолько, что, не заметив, на них могла наехать оленья упряжка, страдная пора на летниках во время хода рыбы, — все это стало составной частью жизни молодого исследователя на Камчатке и все это, как и искренний интерес С. Н. Стебницкого к ценностям самобытной культуры, обеспечило доверительное отношение к нему коряков, что в свою очередь сказалось на широком охвате, глубине и яркости собранного материала.

Палеоазиатское языкознание было главным профессиональным интересом С. Н. Стебницкого. По возвращении с Камчатки (С. Н. Стебницкий работал там — с перерывами — 6—7 лет; точные сведения отсутствуют, но зиму и лето 1934 года он находился там) главным в его деятельности становится обработка и исследование собранного материала.

Работая в ИНСе, он возглавил палеоазиатскую секцию существовавшей в его структуре научно-исследовательской лингвистической ассоциации.¹² Но ему всегда оставалась

близка и этнографическая тематика. Свои этнографические изыскания С. Н. Стебницкий реализовал в ряде статей, докладов, а также в лекционных курсах. На основе стенограмм лекций, прочитанных студентам II курса кафедры этнографии филологического факультета ЛГУ в предвоенном 1940/41 учебном году, им была подготовлена рукопись «Очерки этнографии коряков», публикуемая настоящим изданием. Похоже, она стала последней или одной из последних работ ученого.

В самом начале войны С. Н. Стебницкий короткое время принимал участие в строительстве убежищ в самом Ленинграде, а затем был отправлен в действующую армию. В пекле тяжелейших боев под Мгой он получил ранение и месяц находился на излечении в одном из ленинградских госпиталей. Выписавшись, он снова попадает на фронт, но получает второе ранение, оказавшееся смертельным. С. Н. Стебницкий умер 2 ноября 1941 года и был похоронен у деревни Рысино Киришского района Ленинградской области.

Публикуемая рукопись С. Н. Стебницкого (236 машинописных страниц) состоит из Введения и четырех глав. Введение включает общие сведения о месте коряков среди других палеоазиатских народов, их расселении, подразделениях, численности и др. Две главы посвящены хозяйству и экономическим отношениям у коряков-оленоводов и приморских коряков. В третьей главе рассматриваются общественные, в том числе семейные отношения, вопросы социальной организации коряков, в четвертой — народные верования и устное творчество.

¹¹ Там же. С. 6—11.

¹² Ассоциация включала также тунгусо-маньчжурскую и угорскую секции.

Лекционная основа обусловила такие особенности текста, как очерковость изложения, избирательность рассматриваемых сюжетов, а также экскурсы в теорию, общепринятую в то время в этнографической науке, сибиреведении в частности.

Основу использованного материала составляют личные наблюдения С.Н. Стебницкого и разнообразная информация, добытая им от коряков, — результаты бесед, письма, рисунки и др. К сожалению, сами полевые дневники и другой оригинальный материал, полученный автором во время работы на Камчатке, затерялись.

В работу автор включил также документы из местных организаций (статистические данные) и периодической печати. Цитируемые им в соответствующих разделах выдержки из газетных заметок отражают дух своего времени, но ныне они не всегда выглядят объективными, особенно в политических оценках. При подготовке рукописи к печати они сохранены только частично.

С.Н. Стебницкий широко привлекает материал своих предшественников по изучению коряков и других палеоазиатов — С.П. Крашенинникова, В.И. Иохельсона, В.Г. Богораза и др. С.Н. Стебницкому было присуще умение выделить важные для историографии коряков и палеоазиатского мира в целом факты. Здесь несомненно сказалась его общая североведческая подготовка. Новые данные он постоянно корректирует с более ранним материалом, стараясь проследить динамику культурного процесса.

Лингвистическая квалификация автора придает работе особую ценность. И это не только детальные срав-

нительные характеристики диалектов корякского языка. Отдельные разделы насыщены терминологией и этимологическими реконструкциями. Примером может быть рассматриваемая автором номинация из различных диалектов, относящаяся к образу «верховного существа», а также многочисленные эвфемизмы из символической лексики коряков.

В числе достоинств работы, не утратившей свое методическое и методологическое значение по сей день, — внимание автора к локальным особенностям изучаемого народа, а также стремление к сопоставимости уже известных и новых материалов и сведений. Сравнительный анализ присутствует при рассмотрении большинства сюжетов. По мере возможности автор старается, так сказать, вписать «чисто» корякские сюжеты и факты в общепалеоазиатский контекст истории. Подобный подход необходим для изучения *общего* и *особенного* в культуре коряков, чукчей, эскимосов и других народов. Он также позволил С.Н. Стебницкому связать и объяснить этническое своеобразие отдельных групп коряков с ранними этапами их формирования. Этнографические данные в ряде случаев были подтверждены дальнейшими исследованиями.

Отсутствие некоторых привычных этнографических рубрик, таких как «жилище», «одежда», «средства передвижения», «народные знания», с одной стороны, объясняется наличием этих сведений в работах предшественников С.Н. Стебницкого (он постоянно привлекает к ним внимание своих слушателей и читателей, цитируя отрывки, в том числе и собственные переводы с английского из ныне опубликованной в России книги

В. Иохельсона). С другой стороны, нельзя не заметить, что необходимый временной срез по перечисленным и иным основным этнографическим темам в работе имеется, и эти сведения органично вплетены в контекст выделенных автором разделов.

По хозяйственным особенностям и образу жизни этнографы разделяют коряков на две группы: кочевников-оленеводов и оседлых рыболовов и охотников на морского зверя.¹³ Внутри этих групп исследователи XIX века и позже отмечали наличие локальных особенностей в культуре, языке.

С.Н. Стебницкий, специально занимавшийся языком, экономическими и хозяйственными особенностями локальных групп, смог выделить наличие в языке девяти диалектов, которые, по его мнению, соответствуют девяти подразделениям коряцкого народа. Именно С.Н. Стебницкий впервые выяснил численный состав и территориальную локализацию групп коряков.

Как пишет И.С. Вдовин, «группировка территориальных и языковых подразделений, данная С.Н. Стебницким, легла в основу всех последующих работ, в которых касались этого вопроса, в частности, этнографы».¹⁴

Так, С.Н. Стебницкий, изучая хозяйство и экономические отношения коряков-оленеводов, выделил группы коряков-чавчувенов и коряков-алюторцев и обрисовал общие и специфические черты в способах и видах хозяйствования.¹⁵

¹³ Антропова В.В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С.18.

¹⁴ Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С.16.

¹⁵ Постановлением правительства якутской области в настоящее время выделены из состава коряков как отдельный народ.

Чавчувены-оленеводы в то время являлись самой большой по численности группой и составляли примерно 50% коряцкого населения. Алюторцы были второй по численности, после чавчувенов, группой; помимо оленеводства, они занимались рыболовством и морским зверобойным промыслом.¹⁶

Останавливаясь на общей характеристике коряцкого оленеводства,¹⁷ С.Н. Стебницкий отмечает прежде всего его «первобытность»: не в полной мере одомашниваемость коряцкого оленя, приемы выпаса без собаки, постоянные облавы оленьего табуна пастухами. Эти и другие особенности оленеводства у коряков позволили ему датировать происхождение этого вида хозяйственной деятельности не поздним временем, а очень ранним периодом — давностью в тысячелетия. Кстати заметим, что вопрос о происхождении оленеводства у коряков был рассмотрен С.Н. Стебницким в специальной работе,¹⁸ как обстоятельно изучены им и многие типологические черты коряцкого оленеводства.

Продуктивное направление оленеводства давало корякам пищу, материал для изготовления одежды и обустройства жилища, обеспечивало

¹⁶ Антропова В.В. Культура и быт коряков. С.17—20.

¹⁷ С.Н. Стебницкий полагал, что следует говорить не о коряцком, а о чукотско-коряцком типе оленеводства, ибо способы пастьбы у тех и других не имели различий. Этот тип, выделенный и исследованный С.Н. Стебницким, был признан позднее Г.М. Василевич и М.Г. Левиным (см.: Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1).

¹⁸ Стебницкий С.Н. Нымыланы-алюторцы (к вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков) // СЭ. 1938. № 1.

бартерные связи с приморскими жителями. Экономическая значимость такого направления оленеводства подчеркивалась низким процентом (от 4 до 6%) ездовых и грузовых оленей в стаде оленевода.

Обратив внимание на вариабельность типов оленеводства у коряков, С.Н. Стебницкий выделил крупнотабунный тип, который был свойствен культуре коряков-чавчуенов. Небольшие стада, от 200 до 500 голов, отмечены им в хозяйстве коряков-алюторцев.

Детально и подробно С.Н. Стебницкий характеризует годовой хозяйственный цикл чавчуенов. От внимания автора не ускользнули циклы работ, связанные в оленеводстве с тем или иным временем года. Выбор пастбищ, маршруты кочевок, нагул животных в летний период, отел важенок и сохранение поголовья оленей зимой — эти и другие конкретные особенности оленеводства чавчуенов всесторонне показаны в разделах первой главы монографии. Не менее убедительно и красноречиво в контексте годового хозяйственного цикла охарактеризована бытовая жизнь коряков-оленево-дов, подробно освещен вопрос размещения стойбищ, дано четкое описание конструкции яранги, устройства полога. С.Н. Стебницкий назвал это приспособление остроумнейшим изобретением культуры палеоазиатских народов.

Автор не упускает и такие важные детали жизни оленеводов-чавчуенов, как поведение домочадцев в жилище, женский этикет в отношении одежды и многое другое. Читая страницы его работы, как будто ощущаешь себя живущим в яранге, где тепло и удобно в зимнее время года, где ты постоянно занят необходимой работой или приятным чаепитием.

Особенностью культуры чавчуенов было то, что олень являлся для них единственным транспортным животным. Зимой (раз в месяц или в два месяца) чавчуены покидали стойбище, чтобы перекочевать на новые пастбища. У них были свои правила управления оленями, составления кочевого каравана, строгого размещения на грузовых нартах перевозимых конструкций жилища, а также домашнего скарба, детей. По данным С.Н. Стебницкого, среднее стойбище обычно составляло 6—7 караванов, в каждом из которых имелось по 6—7 грузовых саней. Первой в караване всегда шла нарта-кибитка, которой правила женщина. В кибитке с ней находились грудные и малые дети.

Оленеводство коряков-алюторцев резко отличалось от чавчуенского. С.Н. Стебницкий отметил, что для якутского оленеводства были характерны малые стада (500—600 голов) и играло оно в жизни людей роль, равную по значению морскому и рыболовному промыслам. Именно рыболовство и морской зверобойный промысел обеспечивали якутцев всем необходимым, восполняя недостаток оленины и сохраняя поголовье стада.

Исследование хозяйства, экономических отношений и быта коряков-оленево-дов дало С.Н. Стебницкому основание высказать общее предположение о происхождении коряков и двух важных компонентах их культуры.

Так, С.Н. Стебницкий полагал, что происхождение коряков-оленево-дов и коряков рыболовецко-приморской культуры (термин С.Н. Стебницкого) — очень древние процессы. Он допускал, что население тундр северо-

восточной части азиатского материка состояло из бродячих племен охотников. За этими глубинно-тундровыми племенами он видел палеоазиатов, которые, продвигаясь к северо-востоку, охотились на дикого оленя. Часть охотничьих племен, по гипотезе С.Н. Стебницкого, продвинулась до побережья Охотского и Берингова морей, полуострова Камчатка. Здесь в силу различных причин они остались охотниками, но объектами их охоты стал уже не дикий олень, а морской зверь. Именно эти древние тундровые племена охотников на дикого оленя, по мнению С.Н. Стебницкого, являются этническим и культурным субстратом коряков рыболовецко-приморской культуры. Предки коряков-оленьеводов (чавчуменов) при своем продвижении к северо-востоку задержались в глубине тундр и долго продолжали охотиться на дикого оленя. С.Н. Стебницкий полагал, что предки чавчуменов оленеводство ни от кого не заимствовали. Они сами, по выражению исследователя, «дошли» до одомашнивания дикого оленя. Во всяком случае по ряду особенностей оленеводства чавчуменов процесс одомашнивания у них не закончился еще и в 30-е годы нашего времени.

Блестящее знание локальных особенностей культуры коряков не исключало интереса исследователя к решению ряда общих сложных вопросов культурогенеза. Во время научной деятельности С.Н. Стебницкого по проблеме возникновения, типологии оленеводства было высказано немало гипотез отечественными и зарубежными этнологами.¹⁹ В.Г. Богораз, учеником

¹⁹ Обширную историографию по проблеме происхождения оленеводства см.: Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Азии. М., 1976.

которого являлся С.Н. Стебницкий, допускал, что оленеводство возникло в конце палеолита, в едином географическом центре, путем самоприручения дикого оленя.²⁰ С.Н. Стебницкий, как видно из его работы, был склонен видеть в древних предках коряков бродячих охотников на дикого оленя, которые продвинулись из глубинных тундр на северо-восток, где впоследствии занялись самоприручением оленя и создали свой тип оленеводства. Близкие взгляды на одомашнивание и возникновение северного оленеводства высказал позднее и Ю.Б. Симченко.²¹

При описании хозяйственных занятий коряков — оленеводства, морского зверобойного промысла, рыболовства, охоты — автор всегда говорит о характере поселений, как центров сезонной деятельности, видах и типах жилищ, используемых у различных групп коряков. В контексте хозяйственной деятельности рассматривается бытовое и ритуальное поведение людей и их преобладающие социальные связи в тот или иной период. В связи с поселениями поднимается вопрос о новых занятиях, появившихся у отдельных групп приморских коряков (паланцев, карагинцев) под воздействием русской культуры; отмечаются тенденции этнического состояния: процессы в языке, семейной жизни (смешанные браки и т.д.).

В разделах, посвященных хозяйственной деятельности, читатель найдет также подробные сведения об

²⁰ Богораз В.Г. Оленеводство // Проблема происхождения домашних животных. Л., 1933.

²¹ Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей...

используемых орудиях труда, транспортных средствах, бытовой утвари, пище и т.д. Некоторые темы, представлявшие С.Н. Стебницкому наиболее интересными в историко-культурном плане или менее изученными, не обеспеченными материалом, выделены особо. Значительное место, например, уделено такому феномену в культурах аборигенов Тихоокеанского побережья Старого и Нового Света, как земляное жилище со входом через дымовое отверстие. Рассматривая землянки различных групп коряков, С.Н. Стебницкий привлекает параллельный материал из других тихоокеанских культур. Историко-генетический анализ, осуществленный автором, актуален и ныне, но следует подчеркнуть особое значение непосредственных наблюдений автора.

О земляном жилище своих предков современные коряки могут составить впечатление только по несовершенным фотографиям и книжным упоминаниям. Не видным и не оцененным при этом остается народный опыт использования этого жилища как жизнеобеспечивающего средства, а также своеобразные представления и действия людей, обусловленные мифологическим образом жилища (церемонии закрытия и открытия землянки, особенности женского и мужского поведения др.). Яркие зарисовки С.Н. Стебницкого, основанные на личных наблюдениях, в этом плане очень ценны.

Подробнее, чем другие средства передвижения, в работе рассмотрен *собачий транспорт* коряков. И здесь сказались непосредственные впечатления, полученные автором в его многочисленных переездах на собачьих упряжках. С.Н. Стебницкий под-

нимает широкий круг вопросов, связанных с собаководством и ездой на собачьих упряжках. Некоторые из них — дрессировка животных, их поведение в упряжке, специальные знания, опыт каюров и т.д. — часто остаются за пределами внимания этнографов, ограничивающихся описанием нарт, упряжки и некоторых приемов управления.

Для последующих исследований социальной жизни коряков самостоятельное значение имеют сведения С.Н. Стебницкого о промысловых артельных объединениях — их составе, взаимоотношениях участников, производственных и распределительных нормативах. Ему удалось отметить такие существенные нюансы, как различия в распределении добытого людьми морского животного и доставшегося им без каких-либо действий с их стороны (например, при обнаружении выбросившегося на берег кита). Наблюдения эти, несомненно, интересны в мировоззренческом плане.

Годы работы С.Н. Стебницкого среди коряков совпали с годами социалистических преобразований традиционных форм хозяйственной деятельности, самого уклада жизни. В первой главе содержится немало конкретных сведений о преобразовании в оленеводстве, а также оценок, идеологически выдержанных в духе того времени.

В процессе разрушения старых и организации новых форм хозяйственных связей в реальную жизнь коряков были привнесены такие социально-репрессивные понятия, как «кулак», «враждебные элементы», «классовое расслоение» и проч. С.Н. Стебницкий, как и большинство этнографов, стремился объективно показать

неоднозначный и сложный путь становления колхозов и совхозов у оленеводов-коряков в 30—40-е годы.

В эти годы развитие этнографической науки было сопряжено со сложными социально-политическими процессами, происходившими в советском обществе. Ученым-обществоведам, в том числе и этнографам, идеология времени предписывала вести исследования на основе марксистско-ленинского метода, в тесной увязке с социалистическими преобразованиями в жизни народов СССР и классовым подходом.

Именно в этот период в СССР началось широкое исследование истории малочисленных народов Севера и проблем некапиталистических путей развития. Для этнографов, в том числе и североведов этого времени, было характерно изучение круга проблем, связанных с общественным устройством народов, не прошедших в своем развитии стадий феодализма и капитализма.

Особый интерес в 30-е годы вызывали традиционные формы общественных организаций: пережитки общинно-родового уклада и родоплеменной структуры и т.д. При этом анализ, выявленные факты неизменно соотносились с основополагающими положениями работ классиков марксизма-ленинизма. Среди таковых у этнографов и археологов особенно популярна была работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанная им в 1884 году и посвященная истории первобытного общества. У С.Н. Стебницкого конкретный материал анализировался в духе этого основополагающего труда. В противном случае ни курс лек-

ций, ни монография, ни доклад или статья не могли состояться и быть опубликованными.

Известно, что Ф. Энгельсом были выделены десять признаков классического рода и семь — племени, отмеченных Л. Морганом у ирокезов. С.Н. Стебницкий считал своей главной задачей — найти в пережитках древнего социального строя коряков «хотя бы некоторые из основных признаков» того или другого. Изучение семейных отношений и системы родства, исследование верований и социальных связей коряков привели С.Н. Стебницкого к выводу о наличии у коряков в прошлом родоплеменного устройства.

В разделе о семейной жизни коряков при подготовке рукописи к печати не обнаружено более 20 рукописных страниц. Пропала, к сожалению, та часть материалов, где автор анализировал систему родства, экзогамию, форму брака и тип семьи. В сохранившемся фрагменте раздела имеется лишь краткое описание брачных обрядов.

Судя по выводам к разделу о семейной жизни, корякскую систему родства С.Н. Стебницкий определял как классификационную, а основной нормой считал экзогамию. В этнографии под термином *экзогамия* (от греческого *exo* — «вне» и *gamós* — «брак») имеется в виду обычай, предписывающий заключение брака за пределами определенной общности, в частности рода. У коряков браки заключались по сговору родителей; известны и браки малолетних. Ряд обычаев, в частности отработка за жену, приобщение новобрачной к огню семьи родителей мужа и другие, как полагал С.Н. Стебницкий, также служит доказательством пережитков

родового строя в общественной жизни коряков.

Главную и не устаревающую ценность публикуемой работы составляет вводимый в научный оборот конкретный материал. Некоторые факты, сохраненные для истории С.Н. Стебницким, поистине уникальны. Один из них — использование неграмотным председателем Апукинского сельского совета Нутавьи пиктографических знаков для составления сводки о вылове в сезон 1927 года рыбы. Сводка была адресована в Карагинский райисполком. На ней обозначено русло реки Апуки протяженностью в 50—55 км от устья, на обоих «берегах» отмечены землянки коряков.

Традиционными для пиктографического изображения коряков числовыми знаками отмечено количество выловленной в каждом хозяйстве рыбы. При этом выделены заготовки для питания людей и на корм собакам.

В числе уникального материала могут быть упомянуты использовавшиеся С.Н. Стебницким рисунки и описания к ним, сделанные коряками по его просьбе (к сожалению, сам изобразительный материал также не сохранился, но дошло до нас краткое описание рисунков).

Интересно, например, описание рисунка, изображавшего коллективную охоту на кита, кстати, считавшуюся уже забытым занятием коряков ко времени работы С.Н. Стебницкого на Камчатке. Аналогичным образом зафиксированы им у коряков-алюторцев, карагинцев, паланцев, а также у ительменов сдвоенные баты (в литературных источниках они также считались исчезнувшим элементом древней культуры). Несомненно уникальны и записи Стебницкого лич-

ных доверительных сообщений коряков о «периоде становления шаманом» (в отличие от приводимых автором многочисленных рассказов о шаманах, являющих собой уже разновидность фольклорного жанра).

При характеристике шаманства С.Н. Стебницкий следует за своими известными предшественниками (В.Г. Богоразом, В.И. Иохельсоном) и широко использует уже опубликованные до него данные. Но ему удалось сделать к ним существенные дополнения: об облачении корякских шаманов (особенно о «мужских» и «женских» деталях в нем), о существовании двух категорий шаманов — так называемых *настоящих* и *вредоносных* (по принципу белые—черные шаманы).

С.Н. Стебницкий, владея корякским языком, продолжил записи текстов обрядового фольклора, начатые за 30 лет до него В.И. Иохельсоном. Включая их в работу, он старался своим переводом сделать доступным широкому читателю и более ранний материал, опубликованный в монографии В.И. Иохельсона, вышедшей на английском языке.

Несомненный интерес представляют и другие оригинальные записи фольклора, сделанные С.Н. Стебницким. В обобщающем разделе автор выделяет в мифологии коряков сюжеты этиологического характера (предания, запреты, приметы) и космологические. Те и другие наиболее существенны для реконструкции народной мировоззренческой традиции коряков.

Из ритуальной сферы, кроме собственно шаманского действия, выделена обрядность жизненного цикла, которой у коряков сопровождалось рождение и смерть человека. Новые

сведения, как и в других разделах, здесь дополняются известными ранее, а в описание похоронного обряда С.Н. Стебницкий включил переведенный им яркий документально-художественный материал корякского писателя Кеца Кеккетына.

Как уже отмечалось, разнообразные факты символической культуры коряков — промысловые праздники, коллективная и индивидуальная обрядность в отношении жилища, добытых животных, хозяев мест и т.д. — включены С.Н. Стебницким в главы, посвященные хозяйственным занятиям. Значение личных материалов С.Н. Стебницкого и здесь очень вели-

ко (примером могут быть новые данные по культу медведя).

Сказанное следует повторить и по отношению к работе в целом. Словом, с публикацией этнографических очерков С.Н. Стебницкого специалисты и широкий круг читателей получают новые надежные сведения о самобытной народной культуре, опыте и творческом потенциале коренных жителей Камчатки — коряков. Историографическое значение этих материалов тем более велико, что многие из реалий, являющихся культурным достоянием народа, ныне не существуют и мало известны новому поколению коряков.

Е. Алексеенко,
В. Дьяконова, Ч. Таксами

